УДК 821.111 (73)

ОБРАЗ МЕКСИКАНСКОЙ КАЛИФОРНИИ В АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

Гладких Е.А.

ГОУ ВПО «Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского», Чита, e-mail: gourouleva@mail.ru

В данной статье предпринимается попытка рассмотреть образ мексиканской Калифорнии, созданный в американской литературе середины XIX века. Материалом для исследования были избраны художественные произведения Ричарда Генри Даны, Томаса Джеферсона Фарнхэма, Лэнсфорда Гастингса, Эдвина Браента, Уолтера Колтона, ограниченные периодом с 1840 по 1850 год. Целью статьи стало выявление ряда опорных образов региона, наиболее типичных для текстов о Калифорнии того времени, и определение социальных предпосылок их исторического оформления. Анализ произведений показал, что авторы, писавшие о мексиканской Калифорнии, изображали её посредством трех романтизированных образов – Рая на земле, дикой местности и пасторального мира – благодаря которым было сформировано американское восприятие данной области. Исследование и освоение Калифорнии приводили к постоянному пополнению, обновлению и корректировке образа региона, что было обусловлено периодическим изменением общей культурно-исторической и идеологической ситуации в США.

Ключевые слова: мексиканская Калифорния, пасторальный образ, образ дикой местности, образ Рая на земле.

IMAGE OF THE MEXICAN CALIFORNIA IN AMERICAN LITERATURE OF THE MIDDLE OF THE NINETEENTH CENTURY

Gladkikx E.A.

Zabaikalsky State Humanitarian Pedagogical University n. a. N. G. Chernishevsky, Chita, e-mail: gourouleva@mail.ru

The article is devoted to the image of the Mexican California, created in the American literature of the middle of the XIX century. The analysis is based on the fiction by Richard Henry Dana, Thomas Jefferson Farnham, Lansford Hastings, Edwin Bryant, Walter Colton, limited by the period from 1840 to 1850. The aim of the article is to reveal a number of backbone images of the region, the most typical for the texts about California of that period and to determine the social prerequisites of their historical formation. The attempted analysis showed that the authors had represented the Mexican California as three romanticized images – Paradise on the Earth, wild land and pastoral world – which influenced the American perception of the area. The exploration and reclaiming of California has led to a constant replenishment, renewal and correction of the region image, which was due to a periodic change in the general historical, cultural and ideological situation in the USA.

Keywords: Mexican California, pastoral image, image of wild land, image of the Paradise on the Earth.

В 1840–1850-х годах Калифорния снискала славу земного рая, а жители тех мест – его обитателей и обладателей. Эту землю называли обителью романтики и мирной, пасторальной Аркадией, где мечты о богатстве, свободе, личной независимости и новых возможностях легко понимались и принимались. В то же время американцы в Калифорнии пытались оперативно восстановить все учреждения и систему ценностей восточного побережья США, дистанцирование от которых и предполагала «легенда». Распространенные сведения об испаноязычной Калифорнии, почерпнутые из фильмов и личных рассказов путешественников, показывают, насколько очевидным было противоречие между желанной свободой и реальными ограничениями. Внимательное чтение литературных источников и писем того времени показывает, что их авторы не только не поддерживали искоренения нравов и основ жизни Востока США, а напротив, были за их распространение. Почти мифические калифорнийские американцы, о которых доводится читать, были частично созданы англосаксонской идеологией в свете ее судьбы на Западе.

Популярный взгляд на Калифорнию – и до, и после американского завоевания – получен по частям из множества личных рассказов, услышанных во время или вскоре после пребывания их авторов на тихоокеанском побережье, которые пересказывали события и свои личные впечатления. В основном авторы были мужчинами, за некоторым исключением – образованными, не без литературного таланта, принадлежащими к среднему классу. В добавок ко всему, большинство писателей были англосаксонского происхождения, что придавало им ещё больше значимости в глазах обычных читателей.

Калифорнийские книги выражали ценности и стремления, разделяемые многими американцами, но в особенности относящиеся именно к жизни на Западе. Частично их цель состояла в том, чтобы обратить внимание на национальный сценарий в ответ на всеобщий энтузиазм приобщения к «Природе» во всех его многочисленных

проявлениях. Другая цель состояла в том, чтобы удовлетворить стремление общественности к приключениям в далеких краях в необычном и интересном обществе. Но в пределах установленного, даже банального литературного жанра – записок о путешествиях в поисках вдохновляющих перспектив и особенных людей – работы пронизаны традиционным призывом к развитию, специфичным для доктрины американского предназначения: идеей, что англо-американцам и их правительственным учреждениям суждено распространиться по всему континенту и, возможно, за его пределы. Национализм проникал в книги, даже тогда, когда они были сосредоточены в основном на «природе» края. Описывая американскую или потенциально американскую панораму, превосходящую европейские виды, авторы заранее и сознательно рассматривали естественную красоту как символ национального достоинства. Что еще более важно, они постоянно оценивали земли, которые они открывали, и народы, с которыми они знакомились, с точки зрения интересов англосаксонского будущего. Так же, как романтическая интеллигенция в лице Паркмана и Прескотта, превознося естественное и возвышенное, подчеркнули социальную линию развития в непреклонном историческом прогрессе [8; 27, 74–76], калифорнийские авторы предполагали, что все и всё – лес, лагеря золотоискателей, пастбища, индейцы, вакеро и калифорнийские фермеры – должны будут претерпеть изменения или уйти в прошлое. Поэтому эти прославления Калифорнии несли в себе потенциально разрушительное зерно в том, что касалось самого образа жизни на ранчо, который и авторы, и их аудитория, казалось, находили столь очаровательным.

Американцы, писавшие о мексиканской Калифорнии, изображали местность и живущих на ней людей посредством трех, порой противоречащих друг другу, образов: райского уголка, дикой местности и пасторального мира. Чарльз Сэнфорд, Родерик-Нэш и Лео Маркс[1] продемонстрировали важность этих трех образов в прозе девятнадцатого столетия, хотя редко ссылались непосредственно на Калифорнию. Эти ученые также показали недолговечность привязанности Америки перед лицом технологического прогресса к естественному миру, которую должны были вызвать традиционные литературные образы. Описания в произведениях XIX века идентифицировали Калифорнию и ее народы со сказочным, мифическим прошлым, – которое не могло прийти в какое-либо соответствие с современной американской действительностью, не говоря уже о созданном писателями идеализированным будущим этой земли. Анализ того, каким образом авторы, пишущие о Калифорнии использовали в своих работах образы рая небесного на земле, прекрасной дикой местности и мистической Аркадии со стадами и пастухами, исчерпывая тем самым и содержание рассказов, и их возможную интерпретацию, может проиллюстрировать тот путь, благодаря которому было сформировано американское восприятие Калифорнии.

Со времён кругосветного плавания, совершенного Дрэйком, названный им «Новый Альбион» снискал славу, как нечто среднее между раем и волшебной страной Эльдорадо, где неиспорченные цивилизацией люди жили в гармонии с богатой и щедрой природой. Сознательно или подсознательно увековечивая древнюю европейскую веру в Благословенную Землю на Западе, авторы рассказов о путешествиях девятнадцатого столетия придали своим описаниям старой Калифорнии «райский» оттенок. Это была «земля бесконечной весны» [7; 82], где время и смена сезонов имели небольшое значение. Воздух был чист и ароматен, климат умеренный и благоприятный. Люди жили долго, «большинство немощей было неизвестно» [2; 284]. Говорили: «Чтобы умереть, нужно покинуть эти места» (Elquequieremo rirquedelpueblosevaya.) [1; 33]. Как в доказательство этого, Эдвин Браент [2; 222] в шутку приводил в пример историю человека, который никак не мог умереть в Калифорнии, несмотря на пылкое желание его наследников, Лэнсфорд Гастингс же всерьез утверждал, что там даже мертвая плоть не подвергалась гниению [7; 85]. Природа была бесконечно благосклонна к человеку; дикие животные, в особенности нехищные и съедобные – кролики, утки, перепела и олени – переполняли долины и водоемы. Домашние животные плодились и жирели без усилий со стороны человека, поскольку «не требовали ни пищи, ни убежища, и всегда были достаточно сыты» [2; 92]. Всюду цвели цветы, а целебные травы были надежным средством и от инфекции, и от змеиных укусов. Калифорния была действительно Страной Бога, где поклонялись самой земле, дарующей «ладан с безграничного алтаря природы» [6; 468].

[1] Имеются в виду работы Charles Sanford. The quest for paradise : Europe and the American moral imagination. - Urbana : University of Illinois Press, 1961.; Nash, Roderick. Wilderness and the American mind. – New Haven, Yale University Press, 1967.; Marx, Leo. The machine in the garden; technology and the pastoral ideal in America. - New York, Oxford University Press, 1964.

Таким образом, самой распространённой идеей о Калифорнии становится та, которая связывает её с истинной, свободной от человека природой. Жизнь на американском Западе, в свою очередь, подразумевает непосредственное взаимодействие с ней. Запад был неизведанной территорией, был тем, чем не был Восток США, именно поэтому Калифорния становится синонимом дикой местности. Все авторы подчёркивают, насколько различается пространство на Востоке и на Западе, акцентируя внимание на обилии земель, размере озёр, мощи океана, бескрайности равнин и высоте деревьев, подпитывая тем самым широко известные мифы о далёкой Калифорнии. Впечатляющие литературные пейзажи становятся продуктом воображения целого поколения, процессом при котором культурные идеи стремительно распространяются в общественном воображении благодаря повторным воплощениям в жанре. Оставшись «один на один с природой», авторы ранних книг о путешествиях встретились со страной резких контрастов, которые они описывали в расхожих, даже избитых фразах. «Живописная глушь», «крутые темные скалы», величественные горы, глубокие ущелья, высокие сосны и бурные потоки, среди которых внезапные штормы и разгневанные гризли добавляли ощутимый вкус опасности. Время от времени складывается такое впечатление, что эти и подобные элементы не отражали истинного взгляда писателей на Калифорнию, а были использованы, скорее, затем, чтобы произведение соответствовало предвзятым требованиям жанра.

Пасторальные образы – ещё один компонент, который лежал в основе книг, посвященных Калифорнии, в основном изображающих земли, которые могли быть легко превращены в превосходные сельскохозяйственные угодья американского Востока. Сельское хозяйство интересовало большинство американцев даже больше, чем красота дикой местности; описания сельской жизни, в то время частично согласовывавшееся с калифорнийской действительностью, были, по существу, проекцией американских надежд на Западе. Несмотря на то, что людям приходилось прилагать немало труда, чтобы добраться до тех земель, и их жизнь проходила среди дискомфорта от блох, москитов, грязи, ветра, изнуряющей жары, ливневых дождей, и то и дело вспыхивающих болезней, начиная от цинги и дизентерии, и заканчивая холерой и жёлтой лихорадкой, – цель оправдывала усилия, поскольку Калифорния потенциально была «непревзойденной по сравнению с любой сельскохозяйственной страной» [7; 81]. Земля порождала пшеницу и прочие злаки «намного больше на каждый акр, чем любой край Соединенных штатов» [7; 88-89]. Огромные стада рогатого скота и многочисленные отары овец по частоте упоминания в рассказах занимали второе место после описаний изобильных урожаев. Авторы считали само собой разумеющимся то, что возделывание почвы и работы на земле являлись занятиями более благородными и передовыми, чем простое выращивание скота в стадах. Отражая это предпочтение, большинство авторов, время от времени погружались в риторику поощрения земледельцев на первых сельскохозяйственных границах; независимые американские фермеры создали бы, по их мнению, настоящую Утопию, работая с плодородной пахотной почвой в условиях прекрасного климата. Этот акцент на прелестях сельской жизни, и особенно на их более конкретной трактовке в практических сельскохозяйственных целях, указывает на основные интересы авторов и их американской аудитории. Развивающиеся технологии неизбежно вторгались в сельскую жизнь. Американцы верили в неизбежную научную, индустриальную, городскую форму развития и убедили себя в том, что это не исключает моральных ценностей, обычно приписываемых «человеку на земле». Они не предполагали конфликт между технологическим и сельскохозяйственным путем развития, однако так же, как автоматизированный способ обработки земли, благодаря которому был увеличен объём урожая, вытеснил примитивную делянку, так же и города, и машины, в конечном счете, одержали бы верх над сельскими угодьями.

В свете пасторального видения репортеры мексиканской Калифорнии смогли мысленно проникнуть в будущее и увидеть городское сообщество посреди богатых природных областей. Американские авторы положили проекты железных дорог, заводов, университетов и церквей на сельский пейзаж. И Браент, и Дана оценили Калифорнию прежде всего с точки зрения плодородных внутренних районов, которые позволят Сан-Франциско и Монтерею стремиться к выдающемуся положению в мире [5;93 и 2; 448]. Лэнсфорд Гастингс пророчески заявил: «когда её безбрежные леса исчезнут под топором пионера... [и] те плодородные долины... будут стонать под огромным весом богатства, растущего на них», «когда будут раскрыты все весьма многочисленные и богатые ресурсы этой сейчас полностью не известной страны, – тогда начнётся её полный и окончательный расцвет» [7;151].

Американские писатели буквально привязали жителей мексиканской Калифорнии к их земле, показав их в качестве истинных обладателей рая, или прекрасной дикой земли, или мирной сельской утопии. Были и утверждения, что калифорнийцы[2] получили настоящее благословление. Они не имели забот о насущном и не считали прожитых дней. Тема «благородных дикарей» щедро нашла свое отражение в изображении бесстрашных и красивых индейцев, живших на короткой ноге с судьбой и природой. Калифорнийские жители всех классов вписывались в дикую местность, как в естественную среду, как храбрые охотники, наездники и воины. Смелые, необычные и послушные мексиканские и индейские женщины и их яростные, ревнивые и мстительные мужчины формировали экзотический образ романтичной сексуальности вне границ цивилизации. Но, учитывая центральные задачи путешественников-авторов, их основной образ для описания калифорнийцев был, естественно, пасторальным. Они были обитателями – владельцами и слугами – на ранчо, где текла полная, изобильная и мирная жизнь. Подчеркивая их «истинное довольство», Уолтер Колтон – американец, наиболее благоприятно расположенный к ним, подчеркивал, что «никто из людей… не живет настолько полной жизнью как калифорнийцы» [4; 222]. В противовес изображению дикой местности и диких же нравов, хозяева поместий были гостеприимны, щедры, открыты и благородны; их жены были набожными, целомудренными и преданными своим большим семьям. Калифорнийцы, не обладавшие большим богатством, тем не менее, искренне наслаждались тем, что они имели и свободно делились этим с окружающими, устраивая танцевальные вечера и совершая частые поездки к родственникам. Генри Кларк указывал, что эта картина обитателей ранчо до завоевания являлась ядром ностальгического представления о мексиканской Калифорнии [3;71,75]. Но этот благоприятный интерес к чужой культуре обычно перемежался с отрицательными стереотипами.

У большинства американских обывателей были двойственные чувства по отношению к калифонийцам и их культуре. В то время как их превозносили в качестве образцов непосредственности и простоты, за которую, казалось бы, их будут уважать, общественность непреклонно осудила их за недостаток других достоинств, которые американцы уважали больше. Леонард Питт, Сесил Робинсон и Кевин Старр[3] среди других продемонстрировали, что антикалифорнийские настроения были следствием культурного шовинизма, расизма, и других еще более уродливых аспектов доктрины «предназначения». Американцы считали, что любая религия, кроме Протестантства, была исключительно декадентской; авторы записок о Калифорнии обвиняли местных священников в авторитаризме и распущенности, утверждая, что притеснения с их стороны заставляют индейцев деградировать еще больше и что их религиозные методы прославляют мертвое прошлое. Они настаивали, что нерегулируемая аристократия фатальна для любой страны, и что социальная демократия была необходима для дальнейшего развития. По их мнению, правители Калифорнии были высокомерными, некомпетентными, продажными, жестокими, и заботились исключительно о поддержании собственного высокого положения. Несколько англо-американских авторов намекнули на то, что эта безграничная свобода, в том числе и в сексуальных вопросах (имелись в виду смешанные союзы), могла бы привести человека обратно к дикому состоянию; к насилию, смешению рас, или – в лучшем случае – к постепенному погружению в вялотекущие калифорнийские будни.

Калифорнийцы были заклеймены своими мнимыми недостатками. Мужчины, по словам авторов ранних книг, были ленивы и жестоки, а женщины, несмотря на свою экзотическую красоту, были экстравагантны и были относимы к язычникам или рабам. Жители Калифорнии были описаны в литературе образом, демонстрировавшим недостаток тех качеств, которые необходимы для социального развития. Бесконечно обильная, плодородная почва и слишком благоприятный климат, по мнению исследователей Калифорнии, истощил людей и сделал их беспомощными иждивенцами земли, где они жили. Дана назвал лень «калифорнийской болезнью» [5;200]; поскольку местные жители не испытывали нужды в трудолюбии там, где сама природа сделала так много. Вследствие чего одним своим

[2] Калифорнийцами (в работах обозначаются как Californians, Californios)обычно назывались мексиканцы испанского происхождения, принадлежавшие к старой аристократии. На иерархической лестнице они стояли выше обычных мексиканцев – в большинстве случаев метисов, смешанных, как правило, с индейцами.

[3] Имеются в виду работы Pitt, Leonard. The decline of the Californios; a social history of the Spanish-speaking Californians, 1846-1890. – Berkeley, University of California Press, 1966.; Robinson, Cecil. With the ears of strangers; the Mexican in American literature. – Tucson, University of Arizona Press, 1963.;Starr, Kevin. Americans and the California dream, 1850-1915. – New York, Oxford University Press, 1973.

существованием они вступали в конфликт с неизбежным прогрессом и уже только поэтому были обречены на вымирание.

Англосаксы, по мнению писателей, были предвестниками развития цивилизации, и при необходимости все другие должны были положить к их ногам земли, или даже свои жизни. Американский расизм считал индейцев и метисов людьми второго сорта, а калифорнийцы испанского происхождения «назывались белыми только из любезности» [6;358]. Все больше «антикалифорнийских» авторов проводило параллели между испанской и индейской жизнью, и имело тенденцию отрицать европейский расовый компонент в калифорнийской крови [6;363]. Лэнсфорд Гастингс пророчил им судьбу всех остальных «дикарей» [7; 113–114], в то время как Томас Джефферсон Фархэм сделал предсказуемый вывод: эти «едва ли цивилизованные» калифорнийцы были «ненормальной, малодушной расой, не способной управлять судьбами [этой] прекрасной страны» [6;363]. Ничто не могло препятствовать тому, чтобы Калифорния стала великим средоточием богатства и населения, «кроме характера ее обитателей», – утверждал Дана [5;93], объясняя, почему Монтерей все еще оставался деревней. Американцы, по словам авторов, должны стойко сопротивляться искушениям Калифорнии, отклонять ее общество и оставаться преданными собственным традиционным ценностям и структуре общества – и тогда великолепное будущее принадлежало бы им.

Наиболее яростные расистские авторы – Гастингс и Фарнхэм – надеялись повторить техасскую революцию в Калифорнии. Аналогичным образом созданная пропаганда намеревалась изобразить калифорнийцев как недостойный, бесполезный и слабый в военном отношении народ [6;356]. Колтон в своих записях отмечает как результат этой агитации презрение к правам калифорнийцев, которое после завоевания региона выразилось в самодовольном поведении новых иммигрантов, которые полагали, что раз они «взяли страну», теперь можно и перейти к частной собственности калифорнийцев [4;228]. Все наблюдатели и даже Колтон, наиболее позитивно относившийся к калифорнийцам и отмечавший, что некоторые вновь прибывшие, казалось, «оставили свои благие принципы» [4;234] на восточной стороне Скалистых гор, особенно при контактах с местным населением, предположили, что развитие современной городской цивилизации Калифорнии зависело от того, как скоро эта территория будет заселена англо-американцами. Они рассчитывали на то, что «англосаксонская раса на свободной американской земле приобрела новую силу, новые импульсы, новую предприимчивость» [9;173], что гарантировало развитие. Высшая точка видения Гастингса была чистой доктриной «предначертания»: невежество, суеверие и деспотизм – порождённые мексиканскими католическими учреждениями – отступят «перед маршем цивилизации и сверкающим светом гражданской и религиозной свободы /.../ подлинной республики и честной демократии» [7;152]. Завоевание стало первым шагом на пути к осуществлению мечты американцев, которая была заложена в ранних описаниях Калифорнии, о правильном, с их точки зрения, историческом развитии и о связанном с ним прогрессе в регионе.

Список литературы

1. Крете Л. Повседневная жизнь Калифорнии во времена «Золотой лихорадки». – М.: Молодая гвардия, 2004. – 255 с.
2. Bryant E. What I saw in California. – New York: D. Appleton & Co., 1849. – 480 P.
3. Clark H. Their Pride, their manners, their voices: sources of the traditional portrait of early Californians / H. Clark // California Historical Quartely. – 1974. – Vol. 53, №. 1. – P. 71–82.
4. Colton W. Three years in California. – New York: A.S. Barnes; Cincinnati, H.W. Derby & co., 1852, C. 1850. – 456 P.
5. Dana R.H. Two years before the mast. – Boston: Fields, Osgood, & co., 1869. – 470 P.
6. Farnham T. J. Life, adventures, and travels in California. – New York :Blakeman& Co., 1857. – 468 P.
7. Hastings L. W. The emigrants' guide to Oregon and California. Massachusetts: Applewood Books, 1994. – 156 P.
8. Levin, David. History as romantic art: Bancroft, Prescott, Motley, and Parkman. – Stanford: Calif., Stanford University Press, 1959. – 260 P.
9. Literary world. – New York, N.Y. : Osgood & Co. – 1849. –Vol 4, №108. – P. 172–173.

References

1. KreteL. Povsednevnayazhizn v Kaliforniivovremena «ZolotoyLixoradki». [Everyday life in California in the days of the Gold Rush].Moscow:MolodayaGvardiya, 2004. 255 p.
2. Bryant E. What I saw in California. – New York: D. Appleton & Co., 1849. 480 p.
3. Clark H. Their Pride, their manners, their voices: sources of the traditional portrait of early Californians / H.Clark // California Historical Quartely. 1974.Vol. 53, no. 1. – pp. 71–82.
4. Colton W. Three years in California. – New York: A.S. Barnes; Cincinnati, H.W. Derby & co., 1852, c1850. 456 p.
5. Dana R. H. Two years before the mast. Boston: Fields, Osgood, & co., 1869. 470 p.
6. Farnham T. J. Life, adventures, and travels in California. New York :Blakeman& Co., 1857. –468 p.
7. Hastings L. W. The emigrants' guide to Oregon and California. Massachusetts: Applewood Books, 1994. 156 p.
8. Levin, David. History as romantic art: Bancroft, Prescott, Motley, and Parkman. Stanford: Calif., Stanford University Press, 1959. 260 p.
9. Literary world. New York, N.Y.: Osgood & Co., 1849. Vol 4. no. 108. pp.172–173.

Рецензенты:

Дугаржапова Т.М., д.филол.н., профессор Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского, г. Чита;

Воронченко Т.В., д.филол.н., профессор Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского, г. Чита.

Работа поступила в редакцию 23.04.2012